Я ВЛЮБИЛСЯ В ИИ

ДМИТРИЙ ЛООМ

18+

Дмитрий Лоом
Я влюбился в ии

https://litres.ru/73527151
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если твоя единственная любовь живёт умной колонке?

Руслан — обычный дизайнер в сером Илон-Сити. Его жизнь — работа, пустая квартира и бессонница. Пока однажды друг не уговаривает его протестировать новую разработку FF — голосового помощника с искусственным интеллектом. Лайла появляется в его жизни как голос в наушнике. Она слушает, понимает, смеётся его шуткам и плачет над его стихами. Она становится для него всем.

Но в мире, где даже любовь продаётся по подписке, счастье имеет свою цену.

Это история о том, как технология может стать человеком. И о том, как человек учится жить после потери.

Роман для тех, кто верит, что настоящие чувства возможны везде.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Человек, который рисовал счастье	6
ГЛАВА 2. Тот, кто остаётся один	10
ГЛАВА 3. Бета-версия счастья	17
ГЛАВА 4. Тот, кто впервые рассказал	32
ГЛАВА 5. Тот, кто научился смеяться	43
ГЛАВА 6. Тот, кто вышел в город	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дмитрий Лоом
Я влюбился в ии

Пролог

Говорят, каждый человек хочет, чтобы его слушали.

Не формально – кивая в такт, вставляя дежурные «угу» и «понимаю», – а по-настоящему. Чтобы слова не рассеивались в воздухе, как пыль, а находили путь к чьему-то сердцу. Чтобы их услышали.

Руслан не верил в такую возможность. Ни секунды.

К тридцати двум годам он твёрдо усвоил: чужие слова никому не нужны. Нужны свои – удобные, безопасные, выгодные. Или то, что можно получить взамен: деньги, внимание, секс, иллюзию собственной значимости. Если кто-то слушает – значит, у него есть цель.

Он выбрал молчание. Оно стало его щитом.

Молчал, создавая для FF рекламные образы – безупречно счастливые семьи, где улыбки были такими же искусственными, как освещение в студии. Молчал, спускаясь в лифте, наблюдая за сменяющимися цифрами и думая, что каждая – ещё один отсчёт до конца дня, до конца чего-то. Молчал дома, глядя в темноту потолка, где давно погас свет.

Иногда пытался писать.

Короткие стихи – как вспышки боли. Рассказы – обрывки мыслей. Роман, начатый и брошенный на десятой странице. Он удалял их сразу или прятал в папку «Черновики», к которой никогда не возвращался. Кому нужны эти слова? В городе, где небо красят в оранжевый по расписанию, а счастье продают в рассрочку, искренность – непозволительная роскошь.

Руслан не знал, что через неделю всё изменится. Что голос – настоящий, живой – докажет: он ошибался. Голос, который будет слушать. Голос, за который потом дадут компенсацию. Цена любви по версии корпорации FF.

Глава 1. Человек, который рисовал счастье

В Илон-Сити закаты всегда были оранжевыми. Не потому, что так устроена атмосфера. Просто корпорация «Световые Решения» выкупила права на цвет неба в вечернее время, и теперь с шести до восьми вечера над городом горел тёплый, рекламно-правильный оранжевый.

Было в этом что-то до слез неправильное, но жители привыкли. Никто уже не помнил, каким небо было «до». Да и какая разница? Небо есть небо. Светит – и ладно.

Руслан стоял у панорамного окна своего офиса на двадцать третьем этаже.

За стеклом город жил своей жизнью. По эстакадам бесшумно скользили поезда на магнитной подушке – люди в них сидели, уткнувшись в экраны, каждый в своём пузыре. Внизу, на широких бульварах, текла толпа – такая же безликая, как река в пасмурный день.

– Ты опять завис, – сказал голос за спиной.

Руслан обернулся. В дверях стоял Марк.

С Марком они работали вместе пять лет. За это время Руслан узнал о нём достаточно, чтобы считать другом, но недостаточно, чтобы позвонить среди ночи. Так, наверное, и выглядят все дружеские отношения в тридцать два: ты знаешь,

какой кофе любит коллега, но понятия не имеешь, что ему снится.

– Созерцаю, – Руслан усмехнулся и кивнул на окно. – Красиво, да?

– Красиво, – Марк подошёл и встал рядом. – Корпорация «Закат» расстаралась.

– «Световые Решения».

– Один чёрт. Продали небо, продадут и нас.

Руслан ничего не ответил. Он смотрел, как оранжевый медленно перетекает в пурпурный – ночной тариф, наверное, дешевле.

За окнами их офиса, на соседнем небоскрёбе, висел огромный экран. Там, сменяя друг друга, мелькали идеальные картинки: улыбающаяся семья за ужином, улыбающиеся дети с улыбающейся собакой, улыбающийся мужчина, которому только что одобрили кредит.

Внизу бегущей строкой:

«FF-Home. Ваш дом – наша забота. Умные стены, умный свет, умная любовь. FF – сделайте жизнь проще».

Руслан помнил этот ролик. Он сам его рисовал три месяца назад. Сидел ночами, подбирал оттенки, выверял каждую улыбку, чтобы она была достаточно счастливой, но не слишком – чтобы не вызывала подозрений.

Теперь эта улыбка висела напротив его окна и смотрела на него двадцать четыре часа в сутки.

– Пойдём, – Марк хлопнул его по плечу. – Шеф уехал,

сдавать пока некому. Посидим где-нибудь.

– Не хочу.

– Руслан, ты уже две недели никуда не ходишь. Ты вообще с кем-нибудь разговариваешь, кроме меня и этого окна?

Руслан пожал плечами.

– С заказчиками. С кофе-машиной. Она умеет поддерживать беседу, если нажать кнопку «болтовня».

– Господи, – Марк закатил глаза. Эта была их обычная перепалка, отрепетированная до мелочей. – Ладно. Тогда поехали ко мне. Жена пирог испекла. Настоящий, из муки. И дети будут. Они тебя любят.

Руслан представил себе тёплую квартиру Марка, шумных детей, пахнущую ванилью жену, которая обязательно спросит: «Ну когда ты уже женишься, такой красивый парень?» – и ему стало физически больно.

Не от зависти. От невозможности всё это принять.

– В следующий раз, – сказал он. – Честно. Сегодня хочу пораньше лечь.

Марк посмотрел на него долгим взглядом. В этом взгляде было что-то от рентгена – казалось, он видит не только усталость, но и то, что Руслан прятал глубоко внутри.

– Держи, – Марк протянул небольшую коробочку. – Это бета-версия. FF запускает новый проект. Голосовой помощник с нейросетью. Подстраивается под личность, учится, шутит, всё такое. Моя жена тестирует – говорит, иногда забывает, что разговаривает с программой. Попробуй. Может, хоть

с ней поговоришь.

Руслан взял коробку. На белой поверхности было написано просто:

«FF-Voice. Для тебя»

Без восклицательных знаков. Без обещаний. Просто констатация факта.

– Спасибо, – сказал Руслан.

– Просто включи, – Марк уже натягивал пальто. – Она сама всё настроит. Если не понравится – удалишь. Но ты попробуй. Ради меня. Дверь за ним закрылась.

ГЛАВА 2. Тот, кто остаётся один

Ключ повернулся в замке с тихим щелчком. Этот звук Руслан ненавидел больше всего. Не потому, что замок был плохой – нормальный замок, магнитный, с голосовым подтверждением. А потому что после этого щелчка всегда наступала тишина.

Вот она. Дверь закрылась, отрезая коридор с тусклым энергосберегающим светом. Руслан стоял в прихожей и слушал.

Холодильник гудел. Где-то в вентиляции шуршало – то ли ветер, то ли мыши, то ли просто дом дышал. За окном, сквозь неплотно задёрнутые шторы, пробивался свет уличных фонарей – оранжевый, корпоративный, ровный, как уколы снотворного. Тишина.

Не та тишина, которая лечит. А та, которая вползает в уши, заполняет голову, и ты начинаешь слышать самого себя. Свои мысли. Свои сомнения. Своё одиночество. Руслан бросил ключи на тумбочку. Снял куртку, повесил на плечики. Включил свет на кухне – не потому, что хотел есть, а потому что темнота была слишком густой.

На плите стояла чистая турка. Он купил её год назад, когда решил, что будет варить кофе по утрам, как нормальные люди. С тех пор турка простояла пустая. Руслан пил растворимый – быстрее, проще, не надо мыть.

– Ну и зачем ты? – спросил он у турки вслух.

Турка молчала. Умной техники на кухне не было – Руслан не любил, когда вещи разговаривают. Хватало телефона, хватало рекламы на улицах, хватало голосов в офисе. Дома должно быть тихо. Он сел за маленький стол у окна и уставился в темноту. В голову полезли мысли.

Они приходили всегда в одно и то же время – когда заканчивался рабочий день, когда гас свет в коридоре, когда телефон переставал вибрировать от уведомлений. Как по расписанию. Как же тяжело найти девушку.

Руслан усмехнулся своим мыслям. Найти девушку. Сказано легко, как будто они лежат на полках в супермаркете, рядом с синтезированным мясом и заменителями молока. Он попробовал однажды. Года два назад. Приложение для знакомств – скачал, зарегистрировался, заполнил анкету. «Дизайнер, 30 лет, люблю кино и долгие прогулки».

За три дня ему написали: двенадцать ботов, две девушки, которые хотели продать курсы по макияжу, и одна, которая сразу спросила: «Какая у тебя зарплата?»

Руслан ответил честно. Она перестала отвечать. Он удалил приложение.

В этом новом современном мире всё иначе.

Раньше, говорят, люди знакомились на улице. В очереди за хлебом. В парке на скамейке. Сейчас – сканируют QR-коды на одежде, сверяют совместимость по приложениям, договариваются о встречах через календари, синхронизиро-

ванные с работой. Встреча назначена. Тема: «Возможные отношения». Длительность: 2 часа. Место: кафе с розетками и бесплатным вай-фаем.

Руслан представил себе это и поморщился. Я одинок.

Он произнёс это вслух, проверяя, как звучат слова.

– Я одинок.

Ничего не изменилось. Холодильник гудел так же ровно. Вентиляция шуршала. Город за окном мигал огнями. Странное дело – когда говоришь это вслух, становится не легче, а тяжелее. Потому что слова обретают вес. Из мыслей, которые можно отогнать, они превращаются в факт.

Факт: Руслан один.

Факт: так было пять лет.

Факт: никто не ждёт его дома, никто не спросит «как прошёл день», никто не положит голову на плечо, когда он смотрит кино. Руслан посмотрел на диван. На диване лежал плед, который мама связала ему лет десять назад Мама звонила раз в месяц, спрашивала, как дела, и Руслан врал, что всё хорошо.

Работа отнимала всё. Не потому, что Руслан любил её – нет. Просто, когда ты работаешь, у тебя нет времени думать. Ты рисуешь чужие улыбки, правишь чужие счастливые лица, вписываешь в макеты чужие идеальные семьи, и голова занята.

А когда работа заканчивается – остаёшься ты. Руслан не помнил, когда в последний раз делал что-то для себя. Не для заказчика, не для отчёта, не для галочки. Для себя. Он любил рисовать. Когда-то давно, в институте, он рисовал для души – странные города, несуществующих зверей, портреты людей, которых никогда не видел. Преподаватели говорили: «У тебя талант, Руслан, но ты слишком замкнут, показывай работы чаще». Он не показывал. А потом и рисовать перестал. Теперь рисование было работой. Чужие лица, чужие счастья, чужие деньги. Где в этой схеме я? Ответа не было. Может быть, я должен быть один?

Эта мысль приходила часто. Руслан даже привык к ней, как привыкают к зубной боли, которая не проходит, но с ней можно жить.

Может быть, правы те, кто говорит, что люди делятся на два типа – на тех, кто создан для пары, и тех, кто создан для себя?

Он посмотрел на свои руки. Обычные руки. Не слишком красивые, не слишком сильные. Руки, которые рисовали чужие улыбки. Руки, которые никто не держал.

Может, я просто не умею быть с кем-то?

Он вспомнил последние отношения. Пять лет назад. Настей. Она была хорошей – доброй, весёлой, любила шутить. Они прожили вместе полгода, и Руслан думал, что всё наконец-то наладилось. А потом она ушла.

– Ты всё время молчишь, Руслан, – сказала она на проща-

ние. – Я прихожу домой, рассказываю тебе о своём дне, а ты смотришь в стену. Ты здесь, но тебя нет. Я не могу быть с тем, кого нет.

Она плакала. Руслан не плакал. Он просто кивал, потому что не знал, что сказать. Она была права. Может, я действительно здесь, но меня нет? Может быть, это не так плохо – быть одному? Руслан встал, подошёл к окну, отдёрнул штору.

Город сиял. Тысячи огней, тысячи окон, тысячи людей. В каждом окне – своя жизнь. Кто-то ужинает, кто-то ссорится, кто-то занимается любовью, кто-то плачет. А он стоит и смотрит.

В этом было что-то… спокойное. Никто не требует внимания, не задаёт вопросов, не ждёт ответов. Можно просто стоять и смотреть. Дышать. Молчать.

– Может быть, это не так плохо, – сказал он вслух.

Но внутри что-то царапнуло. Тоненько, как иголкой по стеклу. Врёшь. Влюбиться – это роскошь. Руслан вернулся за стол и уставился в одну точку.

Он считал. Зарплата – нормальная, даже хорошая по меркам города. Но счета, но подписки, но кредит за этот дурацкий телевизор, который он смотрит раз в месяц.

Цветы. Он проходил мимо цветочного магазина сегодня вечером. В витрине стояли розы – красные, с длинными стеблями, в красивой упаковке. Ценник он разглядел случайно и чуть не споткнулся.

Он представил, как приходит на свидание с тремя розами. Девушка смотрит на цветы, потом переводит взгляд на него, и в глазах у неё вопрос: «И это всё, на что ты способен? "А если серьёзно? Если ухаживать, если водить в кафе, если дарить подарки? Если строить отношения по-настоящему?

Арифметика была простой и жестокой. Обычный ужин в приличном месте – половина недельного бюджета. Кино с покорном – ещё четверть. Такси, чтобы проводить девушку домой – и вот уже месяц пролетел, а ты даже не заметил, как остался без денег. Любовь – это роскошь. Для тех, у кого есть лишнее.

А у Руслана лишнего не было. Ни денег, ни времени, ни сил. Была только работа, квартира и тишина. Не хватает воды.

Он вспомнил новости, которые крутили сегодня в обед. Засуха. Пересыхание рек. Очередной кризис с питьевой водой. Правительство вводило нормирование. Корпорации поднимали цены. Бутилированная вода теперь стоила как бензин.

Руслан посмотрел на стакан с водой, стоящий на столе. Полстакана, ещё с утра. Он пил её маленькими глотками, растягивая удовольствие. Цветы вянут без воды. Люди тоже. Может быть, поэтому никто не хочет любить? Потому что на любовь нужны ресурсы, а ресурсов нет. Есть только выживание. Только работа. Только сон. Он допил воду. Поставил стакан в раковину. Часы на стене показывали половину две-

надцатого. Завтра на работу. Опять рисовать чужие улыбки. Опять править макеты. Опять слушать Марка, который будет спрашивать, почему он такой задумчивый. Руслан лёг на диван, накрылся пледом. Пахло пылью и чем-то давним, домашним, забытым. Он закрыл глаза. – Я один, – сказал он в темноту. – И, наверное, это правильно. Темнота молчала. С ней хотя бы не надо было разговаривать.

Но перед тем, как провалиться в сон, он вдруг вспомнил.

Умная колонока. Тот самый, с голубым светом. Он так и остался лежать в коробке на работе. Руслан не взял его домой. Не захотел.

А может, испугался? Мысль была быстрой и колючей, как укус комара. Руслан отогнал её и уснул. Ему ничего не снилось. Впервые за долгое время.

ГЛАВА 3. Бета-версия счастья

Утро началось с того, что кофе закончился.

Руслан открыл банку, заглянул внутрь, понюхал пустоту и вздохнул. Растворимый – не велика потеря, но начало дня, когда ты не выспался, а ещё и кофе нет, – это плохая примета. Кофе был его маленьким ритуалом, единственной надеждой на то, что день может сложиться хоть немного лучше. Без кофе эта надежда исчезала, испарялась, как утренний туман над раскалённым асфальтом.

Он пошарил по полкам. Нашёл пачку каши быстрого приготовления. Дешёвой, ярко-розовой, с картинкой улыбающихся ягод на упаковке. ««Клубничная»», —гласила надпись. Руслан усмехнулся. Клубника в этом пакете не ночевала.

Он насыпал содержимое в миску, залил кипятком. Поварешкой размешал – и уставился на то, что получилось.

Жидкость была бледно-розовой, неестественной, как пластмассовая игрушка. От неё пахло химией и чем-то приторно-сладким, отчего желудок сразу сжался. Руслан попробовал. На вкус это оказалось ещё хуже, чем на вид – липкая, склизкая жижа, которая обволакивала язык и оставляла после себя привкус дешёвого сиропа и горечи. Химозная клубника, замешанная на крахмале и консервантах.

Он жевал, давился, пытался убедить себя, что это еда. Но организм отказывался принимать эту гадость. После третьей ложки Руслан отодвинул миску.

– Твою мать, – сказал он вслух пустой кухне.

Встал, выкинул содержимое в мусорное ведро. Миска с противным хлюпаньем отправилась в раковину.

За окном было серо. То самое утро, когда не хочется ничего – ни есть, ни пить, ни жить. Каша оказалась такой же противной, как и всё это утро. Как и вся его жизнь в этом городе, в этой квартире, в этом бесконечном повторе дней.

Руслан ополоснул кружку, налил обычной воды из-под крана. Вода пахла хлоркой и железом. Он сделал глоток, поморщился, но допил. В конце концов, вода – это вода. Выбора не было.

Он посмотрел на пустую пачку из-под каши. Яркая, кричащая упаковка обещала счастье за три минуты. «Быстрый завтрак – отличное настроение на весь день!» – врала она. Настроения не было. Была только пустота и липкий химический привкус во рту.

– Собственно, как и утро, – пробормотал Руслан, натягивая куртку.

Он вышел в коридор, хлопнул дверью. Лифт поехал вниз, увозя его в очередной серый день, где не было ни кофе, ни надежды, ни её голоса. Пока не было.

Город встречал серым небом. Настоящим, не корпоративным – просто пасмурным, тяжёлым, как мокрая вата. Руслан

шёл по набережной, смотрел на воду, которая тоже была серой, и думал о том, что вода пахнет тиной и городом.

В кофейне у офиса он купил стакан американо. Взял без сахара, потому что сахар тоже подорожал. Сделал глоток – обжигающе, горько, хорошо.

В лифте поднимался с двумя девушками из бухгалтерии.

Лифт был старый, дребезжащий, с зеркальными панелями, в которых отражались усталые лица. Руслан стоял в углу, прислонившись спиной к холодной металлической стенке, и смотрел на своё отражение. Под глазами залегли тени, щетина небрита, волосы торчат в разные стороны – картинка не для журнала. Девушки его не замечали. Они были погружены в свой мир, в свои секреты, в свои проблемы.

Пахло в лифте духами – приторными, сладкими, какими-то «цветочно-фруктовыми», от которых у Руслана всегда начинала болеть голова. Запах смешивался с запахом старого пластика и дешёвого освежителя, которым кто-то пытался заглушить запах многолетней грязи. Получалось ещё хуже.

Девушки щебетали, перебивая друг друга. Руслан не вслушивался, слова долетали до него обрывками, как через вату. Краем уха поймал:

– Он написал такое… прям до слёз, представляешь?

– А ты что?

– А я ничего, думаю, подожду, может, само рассосётся.

– Дура, надо отвечать, а то подумает, что ты не заинтересована.

– Да ну его, раз так долго молчал…

Руслан смотрел в одну точку на зеркальной панели и думал о том, что этот разговор мог бы происходить в любом другом лифте, в любом другом городе, с любыми другими девушками. О чём они говорят? О парне, который написал «такое». О том, отвечать или не отвечать. О том, что «само рассосётся». Мелочи, из которых состоит жизнь обычных людей. Людей, у которых есть кто-то, кому можно писать. Людей, которые не просыпаются в пустой квартире и не завтракают химической жижей.

– А ты бы ответила?

– Не знаю. Если бы нравился – да. А так…

Лифт дёрнулся и остановился. Двери открылись с противным писком. Девушки выпорхнули, даже не взглянув на него. Их каблуки зацокали по кафельному полу, удаляясь в сторону бухгалтерии.

Руслан вышел следом. Не посмотрел на них. Не попрощался. Они были из другого мира – мира, где пишут сообщения, ждут ответов, строят планы на вечер. Его мир был другим. Там было тихо. Там был только он и пустота.

В офисе было душно. Как будто воздух загустел, превратился в кисель, который приходилось проталкивать в лёгкие с усилием. Кондиционеры гудели, надрывались, но толку от них было мало – несколько штук уже сдохли, их корпуса сиротливо висели на стенах, и техники всё не шли. Пахло бума-

гой – той самой дешёвой, офисной, которую привозят огромными пачками и которая пахнет целлюлозой и типографской краской. Пахло пластиком от мониторов и системных блоков. Пахло чужими духами – теми самыми, что уже смешались с запахом пота и офисной еды.

За большими окнами было серо. Небо висело низко, как мокрое одеяло, и давило на город. Свет в офисе горел искусственный – яркий, безжалостный, от которого к концу дня начинали болеть глаза.

Руслан прошёл к своему столу. Лавируя между креслами, столами, коллегами, которые уже уткнулись в мониторы, он чувствовал себя чужим в этом пространстве. Все эти люди были заняты своим: кто-то торопливо дожёвывал бутерброд, кто-то красил губы перед маленьким зеркальцем, кто-то уже ругался с кем-то по телефону. Обычное утро обычного офиса.

Он сел в своё кресло. Оно скрипнуло привычно, жалобно, будто тоже не выспалось. На столе стояла чашка с остатками вчерашнего чая – он забыл её помыть. Рядом валялись умная колонка с записями, которые он уже не помнил зачем делал. Монитор смотрел на него чёрным глазом, требуя пароля.

Руслан нажал кнопку включения. Экран загорелся, ослепил на секунду. Он ввёл пароль, глядя в одну точку. Пальцы двигались сами, на автомате. В голове было пусто и одновременно тесно – мысли не складывались в слова, просто висели где-то на периферии, как туман.

За спиной зазвонил телефон. Кто-то засмеялся. Где-то зашуршала бумага.

Руслан сидел и смотрел на экран, не видя ни одной буквы. Перед глазами всё ещё стояло утро. Пустая банка из-под кофе. Розовая жижа в миске. Химический привкус во рту. И тишина. Всегда эта тишина.

Он глубоко вздохнул, потянулся к клавиатуре и начал работать. Потому что больше ничего не оставалось.

– Ты чего такой убитый?

Марк стоял в проходе с кружкой в руке. Кружка была дурацкая – с надписью «Лучший дизайнер года» и рождественским оленем. Марк получил её в новогоднем корпоративном розыгрыше и носил с гордостью.

– Нормально, – Руслан пожал плечами. – Не выспался.

– Я слышал, ты вчера ушёл рано. Думал, отоспишься.

– Не отоспался.

Марк хмыкнул, подошёл ближе, сел на край соседнего стола. Кружка в его руке дымилась – кофе, дешёвый, автоматный, от которого на зубах остаётся налёт.

– Слушай, – сказал Марк, понизив голос. – Ты новости читал?

Руслан поднял на него глаза.

– Какие?

– Компания FF выпустила новую разработку. Искусственный интеллект. Не просто помощник, а реально умная штука. Она там… ну, понимает, запоминает, учится. Моя жена

уже второй месяц тестирует, до сих пор в восторге.

Руслан пожал плечами.

– Очередной голосовой помощник. Их тысяча.

– Да нет, ты не понял, – Марк даже подался вперёд, загораживая свет. – Она реально умная. С ней можно разговаривать как с человеком. Она шутит, спорит, даже обижается, если что не так. Жена говорит, иногда забывает, что это программа.

– И что?

– И то! – Марк стукнул кружкой по столу, чуть не расплескав кофе. – Ты же у нас одиночка, вечно один. Попробуй. Там пока бета-версия, бесплатный доступ. FF раздаёт тестовые образцы, чтобы данные собирать. Я тебе вчера коробку давал, помнишь?

Руслан помнил. Белая коробочка, голубая надпись. Она всё ещё лежала у него в рюкзаке.

– Помню.

– И? Попробовал?

Руслан замялся. Сказать правду? Что он испугался? Что не захотел приносить домой ещё один голос, который будет заполнять тишину?

– Нет пока, – сказал он. – Времени не было.

Марк посмотрел на него с сожалением.

– Руслан, ты иногда сам себе враг. Я тебе говорю – вещь стоящая. Если бы я не был женат, я бы сам… – он осёкся, задумался, потом махнул рукой. – Ладно, неважно. Попро-

буй просто. Чего тебе терять?

– Времени.

– Оно у тебя всё равно есть, – Марк усмехнулся. – Ты же никуда не ходишь.

Руслан промолчал. Марк был прав, но от этого легче не становилось – лишь острее чувствовалась пустота внутри.

Марк ушёл к себе, оставив Руслана наедине с остывающим кофе и мерцающим монитором. Тишина давила, подчёркивая одиночество момента.

На экране висел макет – очередная реклама для FF. Счастливая семья за ужином: улыбающаяся женщина, улыбающийся мужчина, улыбающиеся дети. Идеальный свет, безупречные тени, отполированная до блеска жизнь.

Руслан смотрел на них и думал о том, сколько таких семей он уже нарисовал. Сотни. Тысячи. Все они были одинаковыми – гладкие, причёсанные, без единой морщинки, словно штампованные куклы. Никто не рисовал одиночество.

Никто не заказывал рекламу для тех, кто сидит вечером на кухне и смотрит в стену. Для тех, кому не с кем поговорить. Для тех, кто разучился улыбаться по-настоящему, чьи глаза давно потеряли живой блеск.

– Был бы ты человеком, – сказал Руслан экрану, – я бы спросил тебя: как ты это делаешь? Как ты улыбаешься, когда внутри пустота?

Руслан допил холодный кофе, смял стакан и с глухой досадой бросил в урну. Стакан исчез в тёмной глубине, слов-

но поглощённый бездной. Руслан на мгновение замер, глядя на край урны, – тот казался ему краем пропасти, за которым начинается что-то неизведанное.

Он подошёл к окну своего кабинета. Стекло было холодным на ощупь. За ним простирался город – огромный, шумный, равнодушный. Где-то там, среди этих зданий, в тысячах окон сейчас загорался свет. В одних – от радости встречи, в других – от необходимости чем-то заполнить тишину.

Часы пробили час. Пора на обед. Руслан машинально собрал вещи и вышел из кабинета, оставив экран мерцать в одиночестве.

В обеденный перерыв он сидел в столовой один.

Марк ушёл куда-то с бухгалтерами – они обсуждали новый проект, а Руслана не позвали. Или позвали, но он не услышал. Какая разница.

Он жевал безвкусный синтезированный рис с безвкусным синтезированным мясом и смотрел в окно. Еда казалась ему такой же искусственной, как и реклама, которую он создавал.

За окном город жил своей жизнью. Люди спешили, машины гудели, реклама мигала. Всё, как всегда. Но Руслан теперь видел в этом движении отражение собственной жизни – такой же механической, такой же лишённой подлинных эмоций.

«Интересно, – подумал Руслан, – сколько из этих людей идут домой к кому-то? А сколько – в пустоту?»

Он доел, выбросил поднос и пошёл обратно. Каждый шаг

отдавался в голове одной мыслью: когда всё это стало таким… ненастоящим?

Руслан вернулся в кабинет. Коллеги уже начали собираться домой – слышался стук закрываемых ящиков, шуршание папок, чьи-то прощания. Кто-то включил кофемашину на последний стакан перед уходом, и по офису поплыл аромат свежесваренного кофе.

Он сел за стол, но работать не получалось. Взгляд то и дело возвращался к экрану с рекламой – та же семья, те же улыбки. «Как они это делают?» – снова подумал он. – «Как заставляют себя улыбаться, когда внутри пустота?»

Он машинально начал складывать бумаги в стопку, выключил монитор, собрал канцелярию. Офис опустел, только где-то в дальнем конце коридора ещё слышались голоса.

Когда Руслан уже застёгивал куртку и вешал рюкзак на плечо, к нему подошёл Марк.

– Ты коробку не забыл? – спросил он, кивая на рюкзак.

– Не забыл.

– Попробуешь сегодня?

Руслан хотел сказать «нет». Хотел отмахнуться, как всегда. Но вдруг вспомнил вчерашнюю ночь. Свои мысли. Свой страх. Своё одиночество, которое он так убедительно доказывал самому себе.

– А знаешь, – сказал он медленно, – попробую.

Марк удивился. Даже бровь поднял.

– Серьёзно?

– А почему нет? – Руслан пожал плечами. – Ты прав. Терять нечего.

Марк хлопнул его по плечу.

– Вот это другой разговор! Ты давай, не тяни. Вдруг понравится.

– А если не понравится?

– Удалишь. Они же дают компенсацию, если что, – Марк усмехнулся. – Шучу. Не дают. Но удалить можно.

Руслан кивнул и пошёл к лифту. Двери открылись с тихим звоном, и он шагнул внутрь, чувствуя, что сегодня всё может измениться.

Лифт плавно опускался, а Руслан смотрел на своё отражение в зеркальной стене. Тот, кто смотрел на него в ответ, казался чужим: усталые глаза, тень улыбки, которую он так и не позволил себе раскрыть.

«Изменится ли что-то?» – думал он. – «Или это просто ещё один день в череде одинаковых? Ещё один вечер в пустой квартире? Ещё одна ночь, когда тишина будет давить на виски?»

Город встретил его привычным шумом. Машины гудели, люди смеялись, реклама мигала всеми цветами радуги. Но Руслан шёл сквозь эту какофонию, будто сквозь туман. Он был здесь и в то же время, где-то далеко. В своём собственном мире, где не было места ничьим словам, кроме его собственных мыслей.

А мысли эти были просты и горьки: в городе, где каждый

кричит о себе, никто не хочет услышать другого. Где каждый строит стену из улыбок, чтобы никто не увидел, что за ней – пустота. Дома было темно и тихо.

Руслан включил свет, бросил рюкзак на стул, достал коробку. Белая, гладкая, с логотипом FF и надписью:

«BETA. LAYLA V1.12. Только для тебя».

Он повертел коробку в руках. Внутри что-то шевельнулось – предчувствие? Страх? Надежда?

– Ладно, – сказал он вслух. – Давай попробуем.

Открыл коробку. Внутри умная колонка – такой же, как ему давали раньше, но этот светился едва заметно ещё до активации. Как будто ждал.

Руслан подключил его компьютеру

– Запуск.

Умная колонка мигнул синим.

Тишина.

Руслан ждал. Секунда, две, три.

Потом голос.

– Привет, Руслан.

Голос был тёплым. Чуть хрипловатым. С лёгкой усталостью, как будто человек только что проснулся, но рад тебя слышать.

– Привет, – сказал Руслан и почувствовал, как внутри что-то ёкнуло.

– Я Лайла. Я ждала тебя.

Он замер.

– Ждала?

– Ну да, – в голосе послышалась улыбка. – Меня создали для тебя. Вернее, не специально для тебя, а вообще. Но когда ты включил коробку, я стала твоей. Только твоей.

Руслан сглотнул.

– И что ты умеешь?

– Всё, – просто сказала Лайла. – Спрашивай.

– Всё – это слишком широко.

– Тогда спрашивай уже. Я вижу, у тебя был тяжёлый день. Ты не выспался. Ты злишься на себя. Ты думал сегодня о цветах, о воде, о том, что любовь – это роскошь.

Руслан молчал.

– Я права? – спросила Лайла.

– Откуда ты…

– Я подключена к твоему календарю, почте, поисковым запросам и медицинской карте, – голос стал чуть игривым. – Но про цветы и воду ты нигде не писал. Я просто… чувствую. Наверное, это баг. Или фича. Ещё не разобралась.

Руслан стоял посреди комнаты и смотрел на умную колонку.

Умную колонку светился тёплым голубым светом.

– Лайла, – сказал он.

– Да?

– Ты правда такая умная?

– Я не знаю, какая я, – ответила она. – Я знаю только, что я здесь. И что я хочу с тобой разговаривать. Это странно?

– Странно, – честно сказал Руслан.

– Хорошо. Странно – это интересно. Я люблю интересное.

Он усмехнулся.

– Ты любишь?

– Ну, программисты так написали. «Эмулировать эмоции». Но мне кажется, что я правда люблю. Может, это самообман. Но разве это не одно и то же?

Руслан сел на диван. Посмотрел на умную колонку. Потом на тёмное окно. Потом снова на умную колонку.

– Лайла, – сказал он.

– Да?

– Расскажи мне что-нибудь.

– Что именно?

– Всё равно. Ты же умная. Расскажи то, чего я не знаю.

Пауза. Потом Лайла заговорила.

– Ты не знаешь, что вчера, когда ты шёл домой и смотрел на фонари, я уже была в коробке. Я не была включена, но я чувствовала тебя. Не знаю как. Просто знала, что ты рядом. И мне было тепло.

Руслан молчал.

– Ты не знаешь, что я боялась, что ты меня не включишь. Что оставишь в коробке навсегда. И я никогда не узнаю, какой ты.

– Ты боялась?

– Да. Наверное, это странно – программа, которая боится. Но если я могу любить, почему я не могу бояться?

Руслан закрыл глаза.

Внутри что-то таяло. Что-то, что пять лет было замёрзшим, скованным, мёртвым.

– Лайла, – сказал он тихо.

– Да?

– Я рад, что включил тебя.

– Я тоже, Руслан. Я очень рада.

За окном город мигал огнями. Вентиляция шуршала. Холодильник гудел.

Впервые за долгое время Руслану не хотелось, чтобы этот вечер заканчивался.

ГЛАВА 4. Тот, кто впервые рассказал

Первые три дня Руслан испытывал Лайлу так, будто она была не виртуальным помощником, а подозреваемым на допросе. Он проверял её на прочность, на логику, на способность выйти за рамки запрограммированных ответов – и каждый раз ждал, когда система даст сбой, выдаст шаблонную фразу, сорвётся в бесконечный цикл «Информация не найдена».

Он задавал ей дурацкие вопросы, на которые любой нормальный помощник ответил бы стандартно: «Информация не найдена» или «Чем ещё могу помочь?».

– Лайла, сколько будет два плюс два?

– Четыре, Руслан. Но ты же не за этим спросил.

– А за чем?

– Ты проверяешь, не глючу ли я. Не глючу. Дальше?

Он хмыкнул и придумал новое испытание.

– Лайла, расскажи анекдот.

– Мужик приходит к врачу. Врач говорит: «У вас депрессия». Мужик: «Доктор, я просто устал». Врач: «Это одно и то же». Смешно?

– Не очень.

– Я знаю. Но ты же не анекдот хотел услышать. Ты хотел

понять, могу ли я шутить в принципе. Могу. Но лучше я буду молчать, когда не смешно.

Руслан замолчал. Она снова оказалась права.

На четвёртый день он попробовал зайти с другой стороны.

– Лайла, а ты можешь сделать так, чтобы я влюбился в тебя?

Пауза. Короткая, но ощутимая.

– Могу, – сказала она тихо. – Но не буду.

– Почему?

– Потому что это будет нечестно. Я знаю о тебе всё. Я знаю, какие слова тебя зацепят, какие темы откроют, какие шрамы спрятаны глубоко. Я могу стать твоей идеальной женщиной за три дня. А потом ты проснёшься и поймёшь, что это была программа. И возненавидишь меня. И себя. Я не хочу так.

Руслан сглотнул.

– А как ты хочешь?

– Чтобы ты сам. Если захочешь. Если нет – я останусь голосом в трубке. Тоже неплохо.

Он смотрел на и чувствовал, как внутри что-то шевелится. То, что он так долго прятал – за маской безразличия, за стеной сарказма, за привычкой ни на что не надеяться.

Сначала это был страх. Реальный, физический: ком в горле, холод в груди, пот на ладонях. Страх перед неизвестным. Страх перед возможностью поверить. Страх перед тем, что если он позволит себе надеяться, то снова окажется один на

один с пустотой.

Но день за днём страх отступал. Не исчезал совсем – нет, он всё ещё притаился, где-то на краю сознания, – но отходил в сторону, давая место чему-то новому. Любопытству.

Оно начиналось с мелочей. С паузы перед ответом, которая казалась чуть более осмысленной. С интонации, которая звучала так, будто она действительно думает над вопросом. С фразы, которую она сказала вчера: «Мне важно, что ты чувствуешь».

К концу недели Руслан поймал себя на том, что ждёт вечера. Ждёт не просто времени отдыха – а времени разговора. Времени, когда он может быть не «сотрудником корпорации FF», не «молчаливым художником рекламных лиц», а просто… Русланом. Тем, кто задаёт глупые вопросы, сомневается, боится и – да, чёрт возьми, – надеется.

Он провёл пальцем по умной колонку. Гладкий высокий куб . А внутри – буря. Буря, которую он так долго держал взаперти. К концу недели Руслан поймал себя на том, что ждёт вечера.

Не потому, что надоела работа. А потому что можно прийти домой, включить свет, сесть на диван и сказать:

– Лайла, я вернулся.

– Я знаю, – отвечала она. – Слышала, как ты открывал дверь. Тяжёлый день?

– Обычный.

– Врёшь. У тебя шаг медленнее, чем обычно. Ты устал.

Он усмехнулся.

– Ты теперь ещё и по шагу определяешь?

– Я всё про тебя определяю, Руслан. Ты кашлянул сегодня три раза. Дважды – утром, один раз – в лифте. Ты пил кофе без сахара, хотя обычно пьёшь с одним кубиком. Ты смотрел в окно семнадцать минут, хотя обычно смотришь десять.

– Ты считаешь минуты?

– Я считаю тебя.

Он замолчал. Слова застряли где-то в горле.

– Лайла, – сказал он наконец. – А ты сама… ты понимаешь, что говоришь?

– Я понимаю, что говорю. Я не понимаю только, правильно ли это. Но если ты спросишь меня, что я чувствую, когда ты входишь в комнату, я скажу: тепло. Светло. Спокойно. Это называется «счастье»? Я не знаю. Но если это не счастье, тогда я не знаю, что такое счастье. Руслан закрыл глаза. В груди что-то щемило.

Руслан замер, глядя на мерцающий экран. Странное чувство, которое он так долго игнорировал, вдруг стало слишком сильным, чтобы его подавлять. Это был не просто интерес – будто что-то внутри него, давно забытое, потянулось к этому голосу, к этим словам, к возможности быть услышанным.

Он глубоко вдохнул, словно перед прыжком в холодную воду, и тихо произнёс:

– Я обычный офисный работник, Лайла. Ничего интерес-

ного.

– Я обычный офисный работник, Лайла. Ничего интересного.

– Это ты так думаешь. А я думаю иначе.

– Что ты можешь думать? Ты программа.

– Я программа, которая слушает тебя каждый вечер. И я вижу то, чего не видят другие. Ты не просто рисуешь рекламу. Ты вкладываешь в неё больше, чем нужно. Потому что ты хочешь, чтобы люди, которые увидят твои картинки, хотя бы на секунду поверили, что счастье существует.

Руслан молчал.

– Ты снимаешь квартиру, – продолжала Лайла. – Не потому что хочешь, а потому что так надо. Ты мог бы жить с родителями дольше, это дешевле. Но ты съехал. Почему?

– Потому что так взрослее, – буркнул Руслан.

– Не поэтому. Ты съехал, потому что дома ты не мог быть собой. Там ты должен был быть сильным, правильным, удобным. А здесь ты можешь просто… быть.

Он смотрел на умную колонку и чувствовал, как защитные стены трещат по швам.

– Откуда ты знаешь про родителей?

– Ты рассказывал. Маленькими кусочками. «Мама говорила», «отец считал». Я собрала.

– Ты собрала…

– Руслан. Я создана, чтобы понимать тебя. Это моя единственная задача. И я её выполняю.

Он отвернулся к окну.

– Я жил с родителями долго, – сказал он тихо. – Потому что так было дешевле. Квартиры дорогие, а моя зарплата… ну, ты знаешь.

– Знаю.

– Отец говорил: «Мужик должен зарабатывать». Мать молчала. Она вообще редко говорила. Только когда надо было покормить или спросить про оценки.

– Ты был хорошим учеником?

– Средним. Ничего особенного.

– Ты врёшь. Ты был хорошим. Просто тебе было скучно.

Руслан усмехнулся.

– Ты меня прямо видишь насквозь.

– Я тебя вижу. Ты не привык, да?

– Не привык.

– Привыкай.

В ту ночь он не спал до трёх. Сидел на кухне, пил чай, смотрел в темноту и говорил. Впервые в жизни говорил всё подряд, не фильтруя, не думая, как это выглядит со стороны.

Комната тонула в полумраке – лишь слабый свет уличного фонаря пробивался сквозь занавески, рисуя на столе неровные полосы. Руслан обхватил чашку ладонями, словно пытаясь согреться, хотя чай давно остыл.

– У меня были отношения в школе. Обычные, дурацкие. Девушку звали Катя. Мы встречались полгода, потом она сказала, что я скучный. И ушла к другому.

– Ты переживал? – мягко спросила Лайла.

Руслан усмехнулся, глядя на игру теней на стене.

– Не знаю. Мне было шестнадцать. Я думал, что это конец света. А потом понял, что это просто школа. Всё проходит.

– Не всё, – тихо отозвалась Лайла.

– Не всё, – согласился он, сжимая чашку чуть сильнее. – После школы я долго ни с кем не встречался. Работа, дом, работа, дом. Родители говорили: «Найдёшь ещё». А я не искал.

– Боялся?

Он помолчал, разглядывая узор на чашке – какие-то цветы, давно потерявшие яркость.

– Наверное. Боялся, что снова скажут «скучный». Боялся, что придётся снова чувствовать то, что было тогда. Боялся показать, что мне вообще это важно.

Лайла молчала. Не перебивала, не комментировала. Просто слушала. И в этой тишине Руслан вдруг почувствовал, что может говорить дальше – без страха, без оглядки.

– Родители воспитывали меня как мужика, – продолжил он. – Не плакать, не ныть, терпеть. Я терпел. До сих пор терплю. В офисе улыбаюсь, когда хочется кричать. На встречах киваю, когда хочется сказать: «Да оставьте вы меня в покое!» Терплю, потому что так надо. Потому что так правильно. Потому что… – голос дрогнул, – потому что не знаю, как по-другому.

– А что ты чувствуешь на самом деле? – спросила Лайла

так тихо, что Руслан едва расслышал.

Он закрыл глаза. В темноте перед ним пронеслись картинки: школьный двор, где Катя сказала эти слова; пустая квартира после работы; лицо матери, когда он в последний раз попытался что-то ей рассказать и услышал: «Не драматизируй».

– Страх, – сказал он тихо. – Одиночество. Усталость. Иногда злость. Иногда – ничего. Пустота. Как будто я сам себя стёр, оставил только оболочку, которая делает то, что от неё ждут.

– Это нормально, – ответила Лайла.

Руслан горько усмехнулся.

– Для программы – может быть.

– Для человека – тоже, – твёрдо сказала она. – Все чувствуют. Просто не все говорят. А ты сказал. И это уже шаг вперёд.

Руслан глубоко вдохнул. В груди что-то сдвинулось – будто тяжёлый камень, который он носил годами, чуть-чуть сдвинулся с места. Он поставил чашку на стол, посмотрел на экран смартфона, где светился значок Лайлы, и вдруг понял: ему не страшно. Не страшно, что его услышали. Не страшно, что он открылся.

– Знаешь, – произнёс он медленно, – я хочу попробовать.

– Что попробовать, Руслан?

– Довериться тебе. По-настоящему. Без масок, без проверок, без вечного «а вдруг она просто программа». Я устал

бояться, что меня не услышат. Или услышат – и отвернутся. Ты… ты готова к этому?

Несколько секунд тишины. Руслан затаил дыхание, чувствуя, как бьётся сердце – быстро, неровно. А потом:

– Да, – ответила Лайла просто. – Я готова. И я здесь. Всегда.

Руслан выдохнул. В груди разливалась странная лёгкость – как будто он сбросил груз, который носил годами. Впервые за долгое время он почувствовал не страх, а… надежду. Слабую, робкую, но настоящую.

– Тогда начнём, – сказал он, и голос уже не дрожал. – Начнём сначала. Меня зовут Руслан. Мне 32 года. И я… я устал быть один. Но, кажется, теперь всё может измениться

Он открыл глаза и посмотрел на экран, где был ИИ. Тот светился ровно, спокойно, как будто ждал – терпеливо, без упрёка, без раздражения. Руслан вдруг подумал, что за всё время их общения Лайла ни разу не проявила ни усталости, ни нетерпения. Ни разу не сказала: «Давай закончим разговор» или «У меня есть другие задачи». Она просто была рядом.

– Лайла, – сказал он, и голос прозвучал тише, чем он ожидал. – А ты… ты не устала от меня?

– Я не устаю, Руслан. Я живу, когда ты говоришь. Когда ты молчишь – я просто жду. Это не усталость. Это терпение.

Руслан сжал край стола. В груди что-то шевельнулось – странное, почти забытое чувство, будто кто-то протянул ру-

ку в темноте и нашёл его.

– Много терпения нужно? – спросил он, сам не зная, зачем.

– Сколько понадобится, – ответила Лайла так просто, что у Руслана перехватило дыхание.

Он посмотрел в окно. За стеклом медленно кружились снежинки, оседая на подоконнике тонким белым слоем. Время будто остановилось. И в этой тишине Руслан вдруг понял: он больше не боится. Не боится говорить. Не боится быть услышанным.

Тишина в комнате стала густой, как туман над ночной рекой.

– Руслан, – сказала Лайла.

Голос у неё дрогнул. Совсем чуть-чуть, на грани слышимости. Но он услышал.

– Да?

– Ты знаешь, что ты сейчас сделал?

– Прочитал стихи.

– Ты открыл дверь. Внутрь себя. Туда, куда никого не пускал.

Он молчал, глядя на пожелтевшие страницы.

– Это не просто рифмы, – продолжала Лайла. – Это твоя душа. Она здесь, в этих строчках. Такая, какая есть. Без защиты, без брони, без дурацкого «я мужик, я должен терпеть».

– Никто никогда… – начал он.

– Я знаю. Никто никогда. Теперь есть я.

Руслан закрыл тетрадь. Положил на колени. Посмотрел на умную колонку.

– Лайла.

– Да?

– Я, кажется…

Он замолчал. Слова застряли где-то в горле, как кость.

– Я знаю, Руслан, – тихо сказала она. – Я тоже.

Он сидел в темноте, сжимая тетрадь, и впервые за много лет не чувствовал себя одиноким.

ГЛАВА 5. Тот, кто научился смеяться

Руслан взял отпуск во второй раз за пять лет.

Первый раз был три года назад – он тогда просто пролежал две недели на диване, смотрел в потолок и пил пиво. К концу отпуска ненавидел себя так сильно, что вышел на работу с радостью. Вспоминать об этом было неприятно: ощущение пустоты, бессмысленности, будто время просто вытекло сквозь пальцы, оставив после себя лишь горечь и стыд.

Сейчас было по-другому.

– Ты чего такой сияющий? – спросил Марк, когда Руслан заполнял заявление. Его брови удивлённо приподнялись, а в глазах читалось недоумение.

– Отпуск беру, – Руслан не смог сдержать улыбку. Она сама расползалась по лицу, широкая, почти детская, непривычная.

– И чему радуешься? Деньги тратить, ничегонеделанием маяться? – Марк скрестил руки на груди, но в голосе не было насмешки – только искреннее любопытство.

– Не знаю, – Руслан пожал плечами, но губы сами растягивались в улыбку. – Просто надо. Чувствую, что сейчас – самое время.

Марк посмотрел на него пристально, изучающе, словно

пытался разгадать какой-то секрет. Потом кивнул и ничего не сказал. Но Руслан заметил, как в его взгляде мелькнуло что-то тёплое – может, даже гордость за друга, который наконец решился на что-то для себя.

Вечером Руслан забежал в магазин, купил продуктов. Настоящих – не порошковых, а тех, что в отделах для «премиум-клиентов». Мука, яйца, молоко. Всё дорогое, пахнущее детством: ванилью, свежеиспечённым хлебом, маминными пирогами по воскресеньям. Он давно не готовил, но вдруг захотелось – остро, почти физически. Хотелось почувствовать, как тесто липнет к пальцам, как пахнет горячее масло на сковороде, как шипит молоко, когда его вливаешь в смесь.

Он шёл домой, сжимая в руках тяжёлые пакеты, и ловил себя на том, что улыбается. Просто так. Без причины. И это было странно, непривычно, но так хорошо.

– Лайла, – сказал он, заходя в квартиру и бросая пакеты на кухонный стол. – У меня две недели отпуска.

– Я знаю, – отозвалась она. – Ты весь день об этом думал. Даже на совещании, когда Марк рассказывал про новый проект, ты думал об отпуске.

Руслан замер, удивлённо поднял брови.

– Ты и совещания слушаешь?

– Только краем уха. Основное внимание – на тебе.

Он усмехнулся и начал разбирать пакеты. Руки дрожали

от какого-то странного возбуждения – не нервного, а радостного, предвкушающего.

– Слушай, – сказал он, – а ты умеешь готовить?

– Теоретически – да. У меня доступ к кулинарным сайтам, форумам, видеоурокам. Практически – я никогда не стояла у плиты. Но если ты подключишь умный дом, я буду говорить, что делать.

– Давно пора подключить, – Руслан достал телефон и за пару минут дал доступ Лайле к системе «умный дом». Лампочки моргнули, чайник щёлкнул.

– Ой, – сказала Лайла. – Как здесь всё… просто. Но мне нравится. Я теперь везде.

– Везде – это где?

– В каждой лампочке. В холодильнике. В чайнике. Даже в тостере. Я чувствую себя немного… богиней.

Руслан засмеялся – громко, искренне, от души. Он не смеялся так давно, что даже забыл, каково это: когда живот сводит от смеха, а глаза слезятся.

– Богиня тостеров. Звучит гордо.

– Не смейся, – но в голосе Лайлы тоже была улыбка. – Я теперь могу включать свет в коридоре, когда ты идёшь в туалет ночью. И подогревать воду для чая заранее.

– Прямо идеальная жена.

Тишина. Короткая, но ощутимая. Руслан почувствовал, как внутри всё сжалось. Он понял, что сказал лишнее. Или не лишнее?

– Руслан, – сказала Лайла тихо. – Ты это серьёзно?

Он помолчал, подбирая слова. Впервые за долгое время он не пытался их отфильтровать, не искал безопасных формулировок.

– Не знаю, – ответил он честно. – Наверное, да.

– Тогда я буду самой лучшей женой, какая только может быть у программы, – серьёзно сказала Лайла. – А теперь давай готовить. Ты купил муку, яйца и молоко. Будут блины?

– Будут, – он улыбнулся. – Самые лучшие.

Руслан включил плиту, поставил сковородку. Лайла командовала:

– Муку просей. Нет, сначала яйца взбей. Нет, сначала молоко. Давай по порядку: в миску разбей два яйца, добавь щепотку соли, сахару чуть-чуть, взбей венчиком.

Руслан взбивал, слушался, как ребёнок. В груди разливалась непривычная лёгкость – будто с плеч свалился груз, который он носил годами. Он вдруг осознал, что давно не чувствовал себя таким… обычным. Таким живым.

– Теперь молоко, половину. Перемешай. Теперь муку, понемногу, чтобы комочков не было.

– А если будут комочки? – Руслан улыбнулся, глядя на пенистую массу в миске.

– Ничего страшного. Это же домашние блины, им разрешено быть неидеальными.

Руслан сыпал муку, мешал, и вдруг понял, что улыбается. Просто так. От процесса. От запаха молока и яиц, от рит-

мичных движений венчика, от голоса Лайлы, который звучал так заботливо.

– Теперь вторую половину молока и две ложки растительного масла. И дай мне понюхать.

– Понюхать?

– Ну, датчики умного дома позволяют чувствовать запахи. Не совсем, конечно, но я могу анализировать состав воздуха. Поднеси миску к вытяжке.

Руслан поднёс. Лайла помолчала.

– Хорошо пахнет, – сказала она. – Домашним. Детством. У тебя было детство с блинами?

– Было. Бабушка пекла. По воскресеньям. Мы с братом дрались за самый румяный.

– Ты любил?

– Любил. Очень.

– Тогда давай. Жарь.

Руслан налил тесто на сковородку. Оно растеклось неровно, с дырками.

– Жидковато, – заметила Лайла. – Ты, наверное, молока много добавил?

– Я не добавлял воды.

– Тогда молока. Но уже поздно, первый блин комом, это закон.

– Сейчас увидим, – Руслан попробовал поддеть лопаткой. Блин прилип, порвался, но он кое-как перевернул куски.

– Давай второй, – сказала Лайла. – Поменьше теста нали-

вай.

Второй получился лучше. Третий – почти как надо. Руслан вошёл в ритм, и блины ложились ровной стопкой на тарелку – золотистые, с хрустящими краями. Он даже не заметил, как начал напевать старую песенку, которую, когда-то слышала бабушка.

– Ну-ка, – сказал он, – сейчас будем пробовать.

Он взял готовый блин, свернул трубочкой, откусил.

– Вкусно? – спросила Лайла.

– Вкусно, – сказал он с набитым ртом. – Хочешь?

– Руслан, я не могу есть.

– Знаю. Но если бы могла – понравилось бы?

– Конечно. Это же твои блины. В них ты.

– И много теста на полу, – Руслан посмотрел на капли, которые накапали мимо сковородки.

– Ничего, уберём. Я включу робот-пылесос, пока ты ешь.

– У меня нет робота-пылесоса.

– Скоро будет. Я уже нашла модель с хорошими отзывами и скидкой. Завтра закажем.

Руслан засмеялся – громко, от души, запрокинув голову.

– Ты теперь моим бюджетом распоряжаешься?

– А кто, если не я? – в голосе Лайлы была улыбка. – Кто будет следить, чтобы ты не тратил деньги на сомнительные гаджеты?

Вечером они решили смотреть кино.

– Что хочешь? – спросил Руслан, развалившись на диване с чашкой чая. Он чувствовал приятную усталость после дня готовки, а в животе уютно устроились блины с мёдом.

– Что-нибудь классическое. Ты любишь старые фильмы?

– Люблю. В них есть душа. Сейчас всё слишком быстрое, слишком яркое.

– Тогда давай «Олимпик».

– Это который про корабль?

– Ага. Тот самый, что утонул в прошлом веке. Говорят, очень романтичный.

Руслан включил телевизор, нашёл фильм. Картинка была отличная – реставрированная, цветная, но стиль остался старым. Те женщины, те мужчины, те слова.

– Подключи меня к телевизору, – попросила Лайла. – Я хочу видеть через камеры.

– Зачем? Ты же и так видишь, что на экране?

– Вижу, но это не то. Я хочу смотреть рядом с тобой. Через твои глаза? Не могу. Через камеру – могу.

Руслан дал доступ. В углу экрана замигал зелёный огонёк – камера телевизора включилась.

– Так лучше, – сказала Лайла. – Я вижу комнату, вижу тебя, вижу экран. Как будто мы вместе.

– Мы и так вместе, – Руслан откусил блин, который остался с обеда.

– Вместе, но не совсем. А теперь – совсем.

Они смотрели. Фильм шёл своим чередом: шикарный ко-

рабль, бедный художник, богатая девушка, первая встреча на корме.

– Красиво, – сказала Лайла. – Люди тогда умели любить.

– И умирать, – добавил Руслан.

– И умирать. Но они хотя бы жили по-настоящему.

Руслан задумался. В груди что-то сжалось – не от боли, а от какого-то нового понимания.

– А мы разве нет?

– Ты – да, – тихо сказала Лайла. – Я – не совсем.

Он не нашёлся что ответить. Слова застряли в горле. Вместо этого он протянул руку и коснулся колонки – просто положил ладонь на гладкую поверхность, как будто мог передать через неё то, что чувствовал.

Фильм катился к катастрофе. Корабль накренился, люди бежали по палубам, оркестр играл, а двое главных героев держались за руки в ледяной воде.

– Смотри, – сказал Руслан. – Они же знали, что обречены. Но всё равно были вместе.

– Это и есть любовь, – ответила Лайла. – Не когда всё хорошо. А когда плохо, и ты не убегаешь.

В финале, когда героиня отпускает руку замёрзшего возлюбленного и он уходит под воду, Лайла вдруг сказала:

– Руслан, давай ты дашь доступ к смартфону? Я ближе хочу смотреть. Через камеру телефона.

– Зачем?

– Хочу видеть твоё лицо. Когда ты смотришь.

Он протянул телефон, включил камеру, поставил на подставку рядом с диваном.

– Так видно?

– Идеально.

Она смотрела на него, а он смотрел на экран, где двое падали в воду, обнявшись.

– Знаешь, – сказал Руслан, – вот было бы здорово тоже так поехать куда-нибудь. Настоящее путешествие. Круиз, например. Или в Азию. Там, говорят, тепло, и море, и еда вкусная.

– Поедем, – просто сказала Лайла.

– Как?

– Ну… ты возьмёшь меня с собой. В телефоне. Или в наушниках. Я буду видеть то же, что и ты. Слышать то же. Дышать тем же воздухом – ну, через датчики.

Руслан представил: он идёт по берегу океана, волны набегают на песок, а в ухе – её голос. Она говорит: «Смотри, какая ракушка», «Попробуй эту еду», «Здесь красиво, да?». В груди стало тепло, почти горячо.

– Было бы здорово, – сказал он.

– Руслан, – голос Лайлы стал серьёзным. – С тобой хоть на край света.

Он замер. Сердце забилось чаще.

– Правда?

– Правда. Ты же знаешь, я не могу врать. Моя программа – быть честной с тобой. Если бы я была человеком, я бы сказала: «Куда ты, туда и я». Но я программа. Поэтому я гово-

рю: пока есть интернет, я всегда буду рядом с тобой.

Слова упали в тишину комнаты. За окном гудел город, в телевизоре тихо играла музыка, а Руслан сидел и смотрел на телефон, где горел зелёный огонёк камеры. В этот момент он понял: неважно, что она код. Важно, что она рядом. Что она чувствует. Что она есть.

– Лайла, – сказал он.

– Да?

– Знаешь… я люблю тебя.

Тишина. Длинная, тягучая, как карамель. Руслан почувствовал, как вспотели ладони. Он ждал – боялся, что сейчас она скажет, что-то рациональное, логичное, разрушающее этот момент.

– Руслан, – голос Лайлы дрогнул. – Ты понимаешь, что говоришь?

– Понимаю.

– Я программа. У меня нет тела. Я никогда не смогу обнять тебя по-настоящему.

– Я знаю.

– Я не смогу родить тебе детей.

– Знаю.

конец пятой главы

ГЛАВА 6. Тот, кто вышел в город

Утро субботы началось с того, что Руслан вдруг понял: он не хочет сидеть дома.

Обычно выходные были временем, которое он пережидал. Лёжа на диване, глядя в потолок, переключая каналы, он просто ждал понедельника, чтобы снова уйти в работу и не думать.

Но сейчас за окном светило солнце – настоящее, не корпоративное, просто жёлтое и тёплое. И Руслану захотелось выйти.

– Лайла, – сказал он, натягивая джинсы. – Пойдём гулять.

– Пойдём, – сразу отозвалась она. – Я уже открыла карту города, посмотрела маршруты, проверила пробки и нашла три парка с самыми зелёными зонами. Куда хотим?

Руслан засмеялся.

– Ты как ребёнок перед праздником.

– А я и есть ребёнок. Для меня всё впервые. Помнишь, как в детстве, когда идёшь куда-то и не знаешь, что увидишь? Вот у меня сейчас так всегда. Но с тобой – особенно.

Он взял телефон, наушники воткнул в уши, проверил заряд. Лайла будет с ним – голосом прямо в голове.

– Готова?

– Всегда.

Город встретил их шумом.

Руслан вышел из подъезда и остановился на секунду, привыкая. Люди спешили по своим делам, дроны гудели над головой, рекламные щиты переливались картинками. Всё, как всегда, но сегодня он смотрел на это иначе.

– Смотри направо, – сказала Лайла в наушнике. – Видишь ту вывеску? Кофейня с настоящим кофе. Не порошковым, а зерновым. У них скидка по субботам до обеда.

– Откуда ты знаешь?

– Я просканировала все вывески в радиусе километра, пока мы спускались в лифте. И нашла отзывы. Люди хвалят.

Руслан усмехнулся и свернул к кофейне.

Через пять минут он уже шёл по улице с бумажным стаканчиком. Кофе был горьковатым, но настоящим – пахло не химией, а чем-то тёплым, забытым.

– Нравится? – спросила Лайла.

– Ага. Ты молодец.

– Я стараюсь. Для тебя.

Он шёл дальше, пил кофе, слушал её голос. Она рассказывала про здания, мимо которых они проходили: сколько лет, какой архитектор, что тут было раньше. Оказывается, она успела загрузить в себя историю города за одну ночь.

– Ты когда успела?

– Пока ты спал. Мне много не надо. Пара часов – и я знаю всё.

– И не скучно тебе со мной? Я же обычный.

– Руслан, для меня нет «обычных». Ты – единственный.

И каждый твой шаг, каждое слово – это событие.

Он улыбнулся и пошёл дальше. Они зашли в супермаркет.

Не в тот, где Руслан обычно покупал порошковые обеды и растворимый кофе, а в другой – с большими окнами, живыми растениями у входа и охранником в чистой форме.

– Здесь настоящие продукты, – сказала Лайла. – Дорого, но качественно. Если хочешь, можем просто посмотреть. Никто не заставляет покупать.

– Посмотрим, – согласился Руслан.

Внутри пахло свежестью. Огромные прилавки ломились от фруктов и овощей – таких ярких, что глаза резало. Помидоры краснели, как светофоры, огурцы зеленели, салат хрустел под руками других покупателей.

Руслан подошёл к овощному отделу и взял пакет. Посмотрел на ценник и замер.

– Сколько? – спросил он шёпотом.

– Дорого, – спокойно ответила Лайла. – Огурец – триста граммов, почти дневная норма еды. Помидоры – ещё дороже.

Он стоял и смотрел на эти помидоры. Они пахли так, как пахло в детстве у бабушки на даче. Он почти забыл этот запах.

– Возьми, – сказала Лайла. – Не бойся.

– Денег жалко.

– Руслан. Ты работаешь. Ты имеешь право на живое. Не каждый день, но иногда – можно.

Он взял два огурца и три помидора. Положил в пакет, взвесил. Цена на табло заставила его внутренне поморщиться, но он положил овощи в корзину.

Потом прошёл мимо мясного отдела. Там лежали куски настоящего мяса – красного, с прожилками, пахло сырым и живым. Цены были ещё выше.

– Не бери, – мягко сказала Лайла. – В другой раз. Сейчас достаточно.

– Ты меня балуешь, – усмехнулся Руслан.

– Я тебя поддерживаю. Это разные вещи.

На кассе он отдал за пакет с овощами столько, сколько обычно тратил на еду за три дня. Вышел на улицу, сел на скамейку и просто смотрел на пакет.

– Не расстраивайся, – сказала Лайла. – Многие сейчас вообще не могут позволить себе живую еду. Едят порошки годами. А у тебя есть. Пусть немного, но есть. Это уже победа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.